

ГЛЕБ СТАВРОВ

СЫСКАРЬ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАРЕЦКИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глеб Ставров

**СЫСКАРЬ. Последний
Зарецкий. Книга 1**

«Автор»

2026

Ставров Г.

**СЫСКАРЬ. Последний Зарецкий. Книга 1 / Г. Ставров —
«Автор», 2026**

Подполковник Андрей Громов двадцать лет раскрывал убийства и не верил ни в бога, ни в чёрта. После пули в гаражном кооперативе поверить пришлось сразу во многое. Теперь он Алексей Зарецкий, девятнадцатилетний младший сын князя. В Империи, где силу рода меряют даром, у него дар самой низшей ступени, из академии его выгнали, а в свете зовут пустышкой. Отец умер в своём кабинете той же ночью. Род должен банку Велесовых почти два с половиной миллиона, и через тридцать дней Дума Родов решит, жить ли Зарецким дальше. А ещё ночью в кабинете отца был именно он. То есть прежний Алексей. И слуги это видели. Силы у Громова нет. У него есть странный бесполезный дар видеть следы чужой магии, двадцать лет опыта допросов и полное отсутствие дворянского воспитания. Для начала надо доказать, что отца убил не он. А потом найти, кто.

© Ставров Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пуля и пыльца	6
Глава 2. Чужие руки	11
Глава 3. Надзиратель Лемке	14
Глава 4. Тридцать дней	17
Глава 5. Похороны	20
Глава 6. Фальшивомонетчик	24
Глава 7. Шантаж по-петербургски	27
Глава 8. Склад на Обводном	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глеб Ставров

СЫСКАРЬ. Последний Зарецкий. Книга 1

Аннотация

Подполковник Андрей Громов двадцать лет раскрывал убийства и не верил ни в бога, ни в чёрта. После пули в гаражном кооперативе поверить пришлось сразу во многое.

Теперь он Алексей Зарецкий, девятнадцатилетний младший сын князя. В Империи, где силу рода меряют даром, у него дар самой низшей ступени, из академии его выгнали, а в свете зовут пустышкой. Отец умер в своём кабинете той же ночью. Род должен банку Велесовых почти два с половиной миллиона, и через тридцать дней Дума Родов решит, жить ли Зарецким дальше.

А ещё ночью в кабинете отца был именно он. То есть прежний Алексей. И слуги это видели.

Силы у Громова нет. У него есть странный бесполезный дар видеть следы чужой магии, двадцать лет опыта допросов и полное отсутствие дворянского воспитания. Для начала надо доказать, что отца убил не он. А потом найти, кто.

Глава 1. Пуля и пыльца

Гаражный кооператив «Моторист-3» пахнул мокрым бетоном, бензином и чьим-то ужином. Где-то в третьем ряду жарили сало. Подполковник Андрей Громов стоял за углом бокса номер сто семнадцать и думал, что курить хочется больше, чем задерживать.

За воротами сто семнадцатого сидел Шершнёв. Два трупа в Боре, один на Сормове, четыре месяца бегания и одна бывшая жена, которая сдала его за алименты. Громов вёл это дело с августа и знал про Шершнёва больше, чем про собственного сына. Сына, впрочем, у него не было. Зато была бывшая жена, и она бы сейчас сказала: «Вот именно, Андрей. Вот именно».

— Андрей Викторович, — шепнул в наушник старлей Рябцев с другого конца ряда. — Спецназ в пробке на Молитовском. Двадцать минут.

— Ждём.

И тут ворота сто семнадцатого заскрипели.

Шершнёв вышел с ведром. Обыкновенным цинковым ведром, в трениках и куртке нараспашку. Наверное, собрался вылить что-то в канаву. Увидел Громова в трёх метрах и замер. Громов тоже замер. Они смотрели друг на друга, как два соседа, которые столкнулись у мусорки и не могут вспомнить, здоровались уже или нет.

— Валера, — сказал Громов устало. — Поставь ведро.

Шершнёв поставил ведро. Потом сунул руку в карман куртки, и Громов успел подумать три вещи. Что в кармане у него травмат «Оса», купленный по объявлению, это было в справке. Что бронежилет лежит в багажнике служебной машины, потому что в нём жарко. И что жена была права.

Хлопок был тихий, как из детского пистолета. В грудь толкнуло, не больно, а тупо и тяжело, как локтем в толпе. Громов сел на мокрый бетон. Над ним было небо цвета нестиранной простыни и провода, на проводах сидели вороны. Где-то бежал Рябцев и кричал слова, которые в рапорт не пишут.

Закурить так и не успел, подумал Громов. Вот что обидно.

* * *

В дверь стучали.

Аккуратно, почтительно, но настойчиво. Так стучит проводница в поезде, когда до вашей станции осталось десять минут.

Громов открыл глаза и долго смотрел на потолок. Потолок был высокий, с лепниной, и из лепного цветка посередине свисала люстра с матовыми шарами. Шары светились слабым голубоватым светом, без проводов и патронов.

В больнице таких люстр не бывает, отметил он. В морге тоже.

Голова раскалывалась. Во рту стоял сладко-горький привкус, как от жжёного сахара. Громов провёл ладонью по груди. Ни дыры, ни повязки. Гладкая шёлковая рубашка, а под ней рёбра. Очень чёткие рёбра. У Громова лет десять не было рёбер, которые можно прощупать без усилий.

Стук повторился.

— Алексей Николаевич. — Мужской голос за дверью, пожилой, с хрипотцой. — Ваше сиятельство. Отворите, сделайте милость.

Алексей Николаевич. Сиятельство.

Имя кольнуло изнутри, и вслед за ним в голову полезло чужое. Не картинки, а скорее знание, как знаешь свой адрес. Дом на Фонтанке. Отец, в присутствии которого холодеет в животе. Академия, длинный коридор, декан читает приказ и не смотрит в глаза. Смех за спиной: «Пустышка». И лиловая пыль, которую надо втереть в десну, и тогда всё наконец становится тихо и не стыдно.

Громов сел. Комната качнулась и встала на место.

Спальня была больше его квартиры на Автозаводе. Тёмные шторы, ковёр с прожжённой дырой у камина, на полу фрак, брошенный комком. На тумбочке у кровати стояла пустая бутылка и лежала открытая серебряная пудреница. На её дне остались следы лилового порошка.

Громов взял пудреницу, понюхал. Тот самый сладко-горький запах. Он закрыл крышку и положил пудреницу в карман шёлковых штанов. Вещдок.

Потом встал и подошёл к зеркалу.

Из зеркала на него смотрел парень лет девятнадцати. Худой, бледный, с впалыми висками на тонком лице и синяками под глазами. Тёмные волосы слиплись на лбу. Красивый, даже слишком. Такие лица Громов видел на фотографиях пропавших мажоров, которых потом находили в чужих квартирах.

Он наклонился ближе и посмотрел на зрачки. Широкие, на свет реагируют вяло. На десне над левым клыком лиловое пятно. Пульс сто десять, не меньше.

Итак, сказал он себе тем же тоном, каким диктовал протоколы. Потерпевший, предположительно Алексей Николаевич, девятнадцати лет. Наркотическое опьянение средней тяжести, скорее всего передозировка. Жив. Пока.

А подполковник Громов, сорок семь лет, скорее всего, лежит сейчас в гаражном кооперативе «Моторист-3» под простыней. И Рябцев пишет рапорт, путая время.

Он ждал, что сейчас накроет паника. Паника не накрыла. За двадцать лет он видел столько невозможных вещей, что ещё одна была просто ещё одной. Мать троих детей, зарезавшая мужа на кухне и затем дожарившая сырники. Дед, который пятнадцать лет жил по паспорту умершего брата. Подумаешь, чужое тело с лепниной.

Стук в дверь стал третьим.

— Войдите, — сказал Громов. Голос вышел сильным, слишком молодым.

* * *

Вошёл старик в чёрном сюртуке. Высокий, прямой, будто через всю спину ему вставили линейку. Седые усы, шрам через подбородок. Память Алексея подсказала: Фёдор Ильич, дворецкий. Когда-то денщик отца. И ещё что Фёдор Ильич презирает Алексея тихо и вежливо, на вы.

Старик остановился у двери. Он смотрел не на Алексея, а на тумбочку, где должна была стоять пудреница.

— Ваше сиятельство, — сказал он, и голос дрогнул. — Князь Николай Петрович скончался нынче ночью. В кабинете. Лекарь говорит, сердце.

Внутри что-то сжалось. Не у Громова, у тела. Тело помнило отца и отозвалось странно: страхом, обидой и чем-то ещё, детским, от чего защищало в носу. Громов переждал это, как пережидают приступ кашля.

— Когда? — спросил он.

Фёдор Ильич моргнул.

— Нашли в шесть, когда несли кофе. Лекарь сказал, что часов пять уже как...

— Кто нашёл?

— Я, ваше сиятельство.

— Дверь была заперта?

— Нет. Их сиятельство никогда не запирали. — Старик посмотрел на него по-новому, внимательно. — Сидели в кресле. Как будто задремали.

Громов поднял с пола фрак, посмотрел на него и бросил обратно.

— Дайте что-нибудь надеть. Не это. И воды. Холодной, много.

Фёдор Ильич не двинулся. Громов понял почему: прежний Алексей сейчас либо рыдал бы, либо искал бы пудреницу. Либо и то и другое.

— Фёдор Ильич, — сказал Громов, и имя вышло само, без запинки. — Я знаю, что вы обо мне думаете. Наверное, вы правы. Потом обсудим. Сейчас мне нужны вода, штаны и кабинет отца. Именно в таком порядке.

Старик помолчал. Потом сказал «слушаюсь» и вышел. Сказал не так, как говорят надоевшему барчуку. Так говорят командиру.

* * *

Кабинет князя был на втором этаже, в конце длинной галереи с портретами. С портретов смотрели Зарецкие. Мужчины в мундирах, с одинаково тяжёлыми подбородками, и у каждого в ладони художник нарисовал огонёк. Семейная примета. Громов шёл мимо и думал, что на доске почёта в райотделе лица были проще.

У двери кабинета стояли люди.

Высокий молодой мужчина в тёмном сюртуке, с тем же тяжёлым подбородком, что на портретах. Константин, подсказала память, средний брат. Наследник. Девушка лет шестнадцати, рыжая, с красными глазами, в чёрном платье, которое ей было великовато. Варвара. Сестра. У неё между пальцами проскакивали искры, мелкие, оранжевые, и она сжимала кулаки, чтобы их спрятать. Рядом с ними стоял сухощавый мужчина лет сорока, в сером сюртуке, с папкой под мышкой. Аркадий Штерн, секретарь отца. И лекарь, лысый, с саквояжем.

Когда Алексей подошёл, все замолчали.

— Явился, — сказала Варвара. Искры в её кулаке вспыхнули ярче. — Зачем? Посмотреть, что наделал?

— Варя, — сказал Константин, не глядя на неё.

Штерн шагнул навстречу, склонил голову.

— Алексей Николаевич. Примите мои глубочайшие... Это такое горе. Для всех нас. Если вам что-нибудь понадобится, в любое время...

У него были сухие тёплые руки и очень спокойные глаза. Громов пожал руку и ничего не ответил. За двадцать лет он привык: вежливые люди на месте смерти не лучше и не хуже невежливых. Просто на них тратишь больше времени.

Он вошёл в кабинет.

Князь Николай Зарецкий сидел в кожаном кресле у письменного стола. Голова чуть склонена набок, руки на подлокотниках. Крупный седой мужчина в домашней куртке. Действительно казалось, что он задремал над бумагами. На столе стояли лампа, стакан с остатками воды и маленькая стеклянная таблетница с серебряной крышкой.

Громов остановился на пороге и сделал то, что делал всегда и везде. Не стал ничего трогать. Стал смотреть.

И увидел.

Комната была в цветных разводах. Они висели в воздухе, как табачный дым в закрытой кухне, медленно, пластами. Густой тёмно-красный лежал вокруг кресла и по всему столу, старый, въевшийся в дерево и кожу. Отец. Громов понял это тем же чужим знанием. Бурые полосы, как засохшая глина, тянулись от двери к столу и от стола к шкафам с бумагами. Секретарь работал здесь каждый день. А у двери, совсем свежие, трепетали оранжевые искры. Варвара заходила сюда утром и не смогла себя сдержать.

Прежний Алексей ненавидел эту пелену в глазах. Громов знал это, как знал остальное. Дар первой ступени, искра в пальцах, а в придачу это: цветной туман везде, где кто-то колдовал. В академии от него болела голова. Отец сказал: «Бесполезно. Придаток к пустому месту». И Алексей гасил его лиловой пылью. С пылью туман уходил.

Бесполезно, подумал Громов. Ну-ну.

У него в Нижнем был эксперт-криминалист Борис Маркович, который за поллитра коньяка находил на месте преступления то, чего там вообще не могло быть. Половину раскрытых дел Громов был должен ему. Борис Маркович душу бы продал за такие глаза.

Он подошёл к креслу. Осторожно, ставя ноги туда, где был чистый паркет. Наклонился над телом.

Лицо спокойное. Губы чуть синеватые. На шее ничего, на руках ничего. Сердечный приступ, как в учебнике. Лекарю бы и в голову не пришло искать дальше. Громову тоже бы не пришло. Если бы не нить.

Из груди князя, из самой середины, где сердце, выходила тонкая фиолетовая нить. Тоньше волоса. Она не плавала, как остальные разводы, а стояла в воздухе натянутая, как леска. И цвет у неё был нехороший, с чернотой, как у синяка на третий день.

Громов провёл взглядом по нити. Она шла от груди к столу, мимо лампы, мимо стакана, и утыкалась в стеклянную таблетницу с серебряной крышечкой.

Он выпрямился.

За двадцать лет службы Громов научился одному: самые надёжные убийства выглядят как естественная смерть. Пожилой мужчина, сердце, ночь, кресло. Такие дела не возбуждают. Их пишут одной строчкой и забывают.

— Что он принимал? — спросил он, не оборачиваясь.

Лекарь кашлянул в дверях.

— Сердечные пилюли, ваше сиятельство. Дигиталис с эфирной втяжкой, по моему рецепту. По одной на ночь. Но уверяю вас, причина смерти не в них, а в возрасте и...

— А кто их покупал?

В дверях помолчали.

— Я, — сказал Штерн. — Как и всё прочее для их сиятельства. В аптеке Феррейна, на Невском. А что, простите...

— Ничего. Спасибо.

Громов смотрел на таблетницу. Нить уходила в неё, сквозь стекло, и там, внутри, между белыми круглыми таблетками, слабо тлела фиолетовая точка. Одна из таблеток была не такая, как остальные. Осталось только понять, что именно она сделала с сердцем человека седьмой ступени. И кто её туда положил.

Он уже протянул руку, но вовремя остановился. Не сейчас. Не при всех.

— Алексей, — сказал Константин.

Громов обернулся. Брат стоял в дверях, заложив руки за спину. Вокруг него колыхался ровный, плотный красный туман. Пятая ступень, всплыло из чужой памяти. Академия с отличием. Гордость отца.

— Фёдор слышал, как ты кричал в этом кабинете. В полночь. — Константин говорил тихо и чётко, как зачитывают приговор. — Горничная видела, как ты выходил. Пьяный, с полосой на десне. А через час отец умер.

Варвара за его спиной перестала прятать искры. Они побежали у неё по запястьям, как рябь по воде. Штерн смотрел в пол.

— Сыскную я уже вызвал, — сказал Константин. — Будут к полудню. Постарайся до тех пор быть трезвым. Хоть раз в жизни.

Громов посмотрел на него. На плотный красный туман вокруг. На сестру с огнём на запястьях. На вежливого секретаря, который покупал таблетки. На князя в кресле, из груди которого тянулась нить цвета старого синяка.

Полчаса назад у него была одна новая жизнь. Теперь было ещё и дело. Замечательное дело, со всеми удобствами: труп, мотив, свидетели и идеальный подозреваемый.

Идеальным подозреваемым был он сам.

— Хорошо, — сказал Громов. — Пусть приезжают. Только в кабинет до их приезда никто не заходит. Никто. И ничего отсюда не выносит.

Константин приподнял бровь.

— Ты мне приказываешь?

— Я тебя прошу, — сказал Громов и прошёл мимо него в галерею. — Как брата. Пока.

Глава 2. Чужие руки

Воду Фёдор Ильич принёс в кувшине, ледяную, и Громов выпил полкувшина прямо из горлышка, стоя посреди спальни. Остаток вылил себе на голову над тазом. Старик смотрел на это с каменным лицом и держал на руке полотенце.

Одежда нашлась в гардеробной. Половина её была такой, что Громов её бы не надел и под дулом: бархатные жилеты цвета вишни, рубашки с бантами, какая-то накидка с перьями. В дальнем углу висел академический мундир, чёрный, с серебряными пуговицами. На лацкане след от споротого значка. Громов выбрал самое тёмное и простое: серые брюки, белую рубашку, чёрный сюртук. Всё сидело идеально и всё бесило, как чужая форма.

Фрак с пола он поднял и обыскал. Методично, карман за карманом, как обыскивал задержанных. Из левого внешнего: две монеты, мятый театральный билет, запонка. Из правого: пустой бумажный кулёк с лиловыми крупинками. Из внутреннего — сложенный вчетверо листок плотной бумаги с водяным знаком: огонёк в круге.

Развернул.

«Алексей. Зайди ко мне в полночь. Есть разговор. Н. З.»

Почерк был крупный, с нажимом, с длинными хвостами у «з». Память Алексея откликнулась сразу: да, отец. Так он писал на полях табелей: «Позор». И подписывался так же, двумя буквами с точками.

Громов держал записку за края и смотрел на неё долго. Из тумана в голове выплывали куски прошлой ночи. Обрывками, без порядка, как у свидетеля после пьянки.

Лестница, которая качается. Дверь кабинета, за ней лампа. Отец за столом с бумагами поднимает голову и смотрит с удивлением. Именно с удивлением, Громов теперь видел это чётко. «Ты что тут делаешь?» Алексей не понимает вопроса, и дальше всё идёт как всегда. Позор рода. Пустое место. Лучше бы ты вообще не родился. Лучше бы я умер. Хлопок двери.

Отец был жив, когда Алексей уходил. Жив, красен и зол. На столе лежали бумаги с цифрами и карта с горами. Таблетница стояла у лампы.

Потом была спальня, пудреница и палец, который втирал лиловую пыль в десну. Раз, ещё раз, ещё. Пока всё не стало тихо.

Громов сложил записку.

— Фёдор Ильич. Князь часто писал записки домашним?

Старик нахмурился.

— Записки? Зачем? У них колокольчик. Позвонят, я иду, а потом сам зову, кого велено. За тридцать лет ни одной записки не помню. Они бумагу не любили, секретарю всё диктовали.

— А вчера он звонил, чтобы вы позвали меня?

— Нет. — Старик помолчал. — Вы сами пошли. Я подумал... простите. Подумал, денег просить.

Громов кивнул. Всё правильно. Кто-то подкинул парню записку отцовским почерком, и парень пошёл. Пьяный, обиженный, в полночь, чтобы его увидели и услышали. А отец удивился, потому что никого не звал. Классика. В Нижнем такое делали со смс с чужого телефона.

Он убрал записку во внутренний карман сюртука.

— Сейчас мы пойдём в кабинет, — сказал он. — Вы и я. Вы будете стоять у двери и смотреть, что я делаю. Каждое движение. Если потом спросят, расскажете честно.

— Константин Николаевич велели...

— Константин Николаевич спит. Я слышал, как он приказал подать ему коньяк в спальню. После такой ночи он два часа проспит. А Сыскная будет в полдень.

Фёдор Ильич посмотрел на него так, будто у Алексея выросла вторая голова.

* * *

В кабинете ничего не изменилось. Тело уже унесли в соседнюю комнату и накрыли простынёй. Кресло стояло пустое, с вмятиной в коже. Фиолетовая нить побледнела и теперь висела над столом оборванная, как паутина, когда паука уже смахнули. Одним концом она всё ещё уходила в таблетницу.

Искры Варвары у двери погасли. Бурые следы секретаря лежали на прежних местах: дверь, стол, шкаф, снова стол. Они были старые, вьёвшиеся в ковёр. Громов заметил себе: если след глубоко сидит в вещах, он старый. Если плавает сверху — свежий. Рабочая гипотеза. Проверить.

Он подошёл к столу и достал из кармана чистый носовой платок.

— Смотрите, Фёдор Ильич. Я беру таблетницу через платок. Открываю. Считаю.

Таблеток было девять. Восемь белых, ровных, с выдавленной буквой «Ф». И одна такая же с виду, с тем же «Ф», но громовские новые глаза видели внутри неё фиолетовую точку. Как осколок стекла в сахаре.

— Девять, — сказал он вслух. — Считаете со мной?

— Девять, — хрипло согласился старик из дверей.

Громов выкатил фиолетовую таблетку на платок, сложил уголки и убрал свёрток в нагрудный карман. Крышку закрыл. Таблетницу поставил ровно в пыльный кружок на сукне, где она стояла.

— Восемь, — сказал он. — Запомнили?

— Ваше сиятельство. Вы же... Это же улика. За такое...

— За такое меня можно и посадить, да. — Громов повернулся к нему. — А теперь послушайте. В полдень приедет Сыскная, посмотрит на старика с больным сердцем и запишет «естественная смерть». Или посмотрит на меня и запишет «отравление, подозреваемый младший сын». Потом через три дня дело заберёт Родовая коллегия, и всё, что лежит на этом столе, уедет в их подвал. Оттуда ничего не возвращается. Это вы знаете лучше меня.

Старик молчал. Знал, видимо.

— Убили его этой таблеткой, — сказал Громов. — Не магией, не даром. Таблеткой. Положили её туда заранее и ждали, когда он до неё доберётся. Вчера ночью добрался. А чтобы было на кого подумать, меня позвали сюда запиской. И вы первый сказали Константину, что мы ругались. Всё правильно, вы не могли не сказать. На это и рассчитывали.

— Откуда вы... — Фёдор Ильич остановился. — Как вы знаете, какую таблетку брать? Они же одинаковые.

Громов подумал, сколько можно сказать. Решил, что правду, но только наполовину.

— У меня дар видеть следы. Вы знаете. Отец считал его бесполезным. А я его травил. — Он достал из кармана пудреницу, показал и убрал. — Сегодня не травил. И оказалось, что он не такой уж бесполезный.

Старик смотрел на пудреницу в его руке. Потом на его лицо. Потом на руки.

Громов проследил за его взглядом и тоже посмотрел на свои руки. Он держал их как всегда на осммотре: чуть на отлёте, ничего не касаясь. Так держат руки люди, которых долго учили не оставлять отпечатков.

— Алексей Николаевич, — сказал Фёдор Ильич очень тихо. — У нас в полку был следователь. Гладышев. Вот он так же стоял. И так же считал вслух, чтобы понятые слышали. А Алексей Николаевич вчера не знал, что такое понятые.

Громов ничего не ответил.

— Вы воду пьёте, а не пыль, — продолжил старик. — На меня смотрите как на свидетеля. Отца потеряли, а слезинки не проронили. Извините. Кто вы такой?

В тишине было слышно, как внизу, на набережной, звенит трамвай. Громов долго смотрел на старика. Можно было соврать. Изобразить горе, проснувшуюся совесть, что угодно.

Старик бы не поверил, но сделал бы вид. А потом, в самый ненужный момент, рассказал бы об этом утре тому, кому не надо.

За двадцать лет Громов усвоил: свидетеля, который тебя раскусил, лучше сделать сообщником.

— Тот, кто найдёт убийцу князя, — сказал он. — Это сейчас главное, Фёдор Ильич. А кто я такой, расскажу потом. Когда мы будем друг другу доверять. Договорились?

Старик постоял. Потом перевёл взгляд на пустое кресло с вмятиной в коже.

— Я с князем тридцать лет, — сказал он. — С Туркестана. Он меня из-под лошади вытащил, когда нас огнём накрыло. Сам тогда обгорел. — Он провёл пальцем по шраму на подбородке. — Если вы его... если вы того, кто его... Воля ваша. Я ваш.

— Хорошо. Тогда первое задание. — Громов кивнул на стол. — Кто заходил сюда за последнюю неделю. Все. Слуги, гости, посыльные, полотёры. Кто приносил таблетки из аптеки и когда. И ещё. Отец ездил куда-то на прошлой неделе?

Фёдор Ильич удивлённо поднял брови.

— На копи. На Урал. Вернулись в субботу, сами не свои. Ни с кем не говорили. Откуда вы...

— На столе вчера лежала карта с горами, — сказал Громов. — А сегодня её нет.

Он обвёл стол взглядом. Лампа, стакан, таблетница, чернильный прибор. Аккуратная стопка чистых листов. Ни цифр, ни карты, ни одной бумаги с цифрами. А вчера их были горы.

Поверх чистых листов, самым верхним слоем, как пудра на скатерти, лежал свежий бурый след. Не въевшийся. Сегодняшний.

А секретарь, говорили, всё утро стоял у двери и внутрь не заходил.

Глава 3. Надзиратель Лемке

Сыскная приехала в двенадцать сорок. Громов видел из окна библиотеки, как у подъезда остановился казённый эфиромобиль, тёмно-зелёный, с гербом на дверце и помятым крылом. Из него вылез полный пристав в шинели, за ним мальчик-городовой с деревянным ящиком на ремне. А последней вышла женщина.

Высокая, в сером пальто и фетровой шляпе, без зонта, хотя сыпал мелкий петербургский дождь. Она не стала ждать, пока пристав доберётся до двери. Прошла вперёд и подняла голову, оглядывая фасад. Взгляд скользнул по окнам и на секунду задержался на окне библиотеки.

Громов не отошёл. Пусть видит.

Полчаса они ходили по дому. Пристав громко соболезновал Константину, мальчик-городовой открыл ящик и достал прибор с трубкой и стрелкой. Память Алексея подсказала название: эфирометр, в народе «нюхач». Мальчик водил трубкой над креслом, над столом, над телом. Стрелка лениво качалась и показывала одно и то же: фон дома огненного рода, ничего особенного.

Громов смотрел с порога, как трубка проходит сквозь фиолетовую нить и ничего не замечает. Так металлоискатель проходит над керамическим ножом.

Потом его позвали.

* * *

Допрашивала женщина. Пристав посидел минуту, покашлял, сказал «ну-с, ведите, Мария Карловна» и ушёл пить чай с Константином. Они остались в библиотеке вдвоём, за столом с зелёной лампой.

Вблизи ей было лет тридцать. Светлые волосы под шляпой собраны туго, по-деловому. Серые глаза, лёгкая горбинка на носу, губы без помады. Пальто хорошее, но старое, перелицованное: петли на другую сторону. На ботинках аккуратно замазанные ваксом трещины. На среднем пальце правой руки чернильная мозоль. Дара вокруг неё не было совсем, ни цветного пятнышка. Первый человек в этом доме, рядом с которым воздух был просто воздухом.

Мещанка, подумал Громов. Живёт на жалованье. Пишет много, сама, секретаря нет. И её одну прислали на смерть князя седьмой ступени. Интересно почему.

— Надзиратель Сыской полиции Лемке, — сказала она и открыла блокнот. — Примите соболезнования, ваше сиятельство. Несколько вопросов для протокола. Где вы были вчера с десяти вечера до шести утра?

— До полуночи в театре и в трактире рядом. Билет у меня есть. В полночь пришёл в кабинет к отцу. Разговаривали минут десять, на повышенных тонах. В двенадцать двадцать примерно ушёл к себе. Дальше до утра был у себя в спальне, в состоянии наркотического опьянения. Свидетелей этого нет, кроме меня самого, а я свидетель ненадёжный.

Её карандаш остановился.

Громов слишком поздно сообразил, что слышал себя со стороны. Так пишут объяснительные записки в райотделе, а не отвечают полиции наследники княжеских родов. Исправлять было поздно.

— Вы... всегда так изъясняетесь? — спросила Лемке.

— С сегодняшнего утра. Полезно сэкономить вам время. У вас его немного.

— Почему вы так думаете?

— Потому что смерть дворянина с даром седьмой ступени — дело Родовой коллегии. Вас прислали на три дня, пока они оформят бумаги. И прислали именно вас, потому что никто в вашем отделении не ждёт, что тут что-то найдут. На перспективное дело послали бы мужчину с даром и двумя помощниками. А пристав с вами послан проследить, чтобы вы чего-нибудь не нашли. Он сейчас пьёт чай с наследником, и это и есть его работа.

Серые глаза сузились. Она положила карандаш.

— Ваше сиятельство, — сказала она очень спокойно. — Вчера в четыре часа дня вас вывели из игорного дома на Садовой под руки. Вы заложили там фамильные запонки. Это тоже в сводке. У меня такое чувство, что я разговариваю с другим человеком.

— Вчера у меня был отец, — сказал Громов. — Сегодня нет. Люди меняются и не так. Это была правда, и она её услышала. Помолчала.

— Горничная Прасковья видела, как вы вышли из кабинета в двенадцать двадцать три, — сказала она. — Она слышала, как бьют настенные часы. Лекарь ставит смерть между часом и двумя. Ваш брат настаивает на насильственной смерти. Пристав настаивает на сердце. А вы?

— А ваш нюхач что показал?

— Ничего. Фон огненного рода. Если бы князя убили даром, там бы всё светилося.

— Значит, убили не даром.

Разговор пришёл в то место, куда Громов вёл его с первой фразы. Дальше надо было решать, сколько отдать.

Всё отдавать было нельзя. Таблетка уйдёт в коллегия, а коллегия — это двенадцать стариков из великих родов. Один из них, вытащила память Алексея, Герасим Велесов. Банкир, которому Зарецкие должны. С другой стороны, если совсем ничего не дать этой женщине, она уйдёт и напишет «сердце». Или не напишет, а начнёт копать под него. Второе хуже.

— Убили способом, которого ваш прибор не ловит, — сказал он. — Проверьте его лекарства. Всё, что он глотал. Не здешним лекарем, а вашим химиком, в городе, и не записывая моих слов в протокол. И посмотрите вот на это.

Он достал записку и положил перед ней на стол.

Лемке прочитала, не трогая руками. Подняла глаза.

— Это почерк князя?

— Похоже. Но князь за тридцать лет не написал домашним ни одной записки. Спросите дворецкого. А когда я вошёл, он удивился, что я пришёл. Меня позвали сюда, надзиратель. Чтобы горничная увидела и часы пробили.

С полминуты она смотрела на записку. Затем достала из сумки конверт, подцепила записку краем и смахнула внутрь. Ни разу не коснулась пальцами.

Хорошая, подумал Громов. Очень хорошая. И очень не на своём месте.

— Почему вы отдаёте мне улику, которая вас топит? — спросила она.

— Она меня не топит. Она доказывает, что меня подставляют. Да и спрятать её всё равно не выйдет. Тот, кто её писал, знает про неё. Достаточно одного анонимного письма в ваше отделение, и её найдут в моём кармане. Только тогда она будет выглядеть совсем иначе.

Лемке закрыла блокнот. Откинулась на спинку стула и посмотрела на него так, как смотрят на шахматную доску с непонятной позицией.

— У меня три дня, — сказала она. — Тут вы правы. В пятницу в полдень дело уходит в коллегия, и меня к нему больше не подпустят. В коллегии именно вас сделают виновным, ваше сиятельство. С запиской или без. Потому что вы удобны. Пьющий младший сын без дара, про которого отец всем рассказывал, что растит позор. И вас никто не станет защищать.

— Знаю.

— А если знаете, почему не боитесь?

Громов подумал.

— Боюсь, — сказал он. — Просто у меня нет на это времени.

Она коротко и неожиданно улыбнулась. Улыбка пропала столь же быстро, словно её пристав заметил бы и вычел из жалованья.

— Хорошо, — сказала она и встала. — Лекарства я заберу на проверку. Под свою расписку. Записку тоже. А вы, ваше сиятельство, не уезжайте из города и не делайте глупостей. Не обещаю, что смогу вам помочь. Обещаю, что посмотрю.

Она надела шляпу и уже у двери обернулась.

— Знаете, что странно? — сказала она. — Вы говорите как мой старый начальник на допросе. А не как подозреваемый. Он тоже всегда знал, что я спрошу в следующем вопросе.

— И что с ним стало?

— Уволили. За то, что не закрыл дело одного графа. — Она поправила перчатку. — До пятницы, ваше сиятельство.

Дверь закрылась.

Громов посидел в пустой библиотеке. Над стулом, где она сидела, не осталось никакого цвета. Только запах мокрой шерсти и дешёвого мыла. После целого утра в цветном тумане это было почти приятно.

Таблетка в платке лежала у него в нагрудном кармане. О ней он Лемке не сказал. Восемь оставшихся пусть проверяет сколько угодно. А девятая дожждётся человека, который сможет её разобрать и не продаст результат тому, кто заплатит больше.

Оставалось понять, где в этом городе взять такого человека.

В дверь постучали. Заглянул Штерн, вежливый, с папкой.

— Алексей Николаевич. Поверенный Голыц будет завтра в десять. Константин Николаевич просил передать, что ваше присутствие... желательно. Будут оглашать финансовое положение рода. Я вчера... — он замялся. — Я сегодня утром убрал бумаги князя в сейф, чтобы ничего не пропало при посторонних. Вы ведь сказали, чтобы ничего не выносили. Я не выносил. Только убрал.

Разумеется, подумал Громов. У таких людей объяснение всегда есть заранее. Как зонтик в прихожей.

— Спасибо, Аркадий, — сказал он. — Вы очень предусмотрительны.

Глава 4. Тридцать дней

Поверенный Савва Лукич Гольц был маленький, сухой и пах нюхательным табаком. Он разложил бумаги на длинном столе в столовой так, как раскладывают пасьянс: медленно, с удовольствием и без надежды на хороший исход.

Сидели всей семьёй. Константин во главе стола, на отцовском стуле, и это видели все. Варвара напротив Алексея, чтобы удобнее было смотреть на него с ненавистью. Штерн сидел чуть в стороне с блокнотом, как стенографист в суде.

— Итак, — сказал Гольц и поправил пенсне. — Род Зарецких владеет домом на Фонтанке, имением в Тверской губернии, имение заложено. И копиями на Урале, верхней и нижней, обе действующие. Доход с копеек за прошлый год составил семьсот двадцать тысяч. Расходы рода за тот же год — миллион сто тысяч.

Варвара посмотрела на Алексея. Алексей не стал спорить с этим взглядом. Игорные дома, пыльца и фамильные запонки за год тысяч на сто тянули, если верить памяти. Но не на четыреста.

— Разницу покрывали займами, — продолжал Гольц. — Основной заимодавец — Торговый банк Велесовых. Совокупный долг на сегодняшний день с процентами — два миллиона четыреста сорок две тысячи рублей. Срок платежа по основному траншу истёк десять дней назад.

Он положил поверх пасьянса лист с серебряной печатью.

— Вчера вечером получено извещение. Банк подал в Думу Родов прошение о признании рода Зарецких несостоятельным. Прошение подано... — Гольц посмотрел в бумагу и недовольно цокнул языком. — Подано вчера в десять утра.

Алексей поднял голову.

— Вчера утром отец был жив.

— Именно, — сказал Гольц. — Банк сделал это при живом князе. Дерзко. Но законно.

Рассмотрение назначили на ближайшую сессию Думы, через тридцать дней. Род признают пресечённым, продолжал Гольц, если к этому дню долг не погашен и у рода нет дееспособного главы, утверждённого Думой. Дееспособным считается наследник мужского пола, совершеннолетний, не находящийся под следствием, с даром не ниже третьей ступени.

— У Константина Николаевича пятая, — добавил Гольц. — С этой стороны проблем нет.

С этой стороны проблема была у Алексея, и все за столом это знали. Первая ступень и «под следствием» с пятницы.

Константин кашлянул и сцепил пальцы на скатерти.

— Спасибо, Савва Лукич. Теперь позвольте мне. — Он обвёл взглядом семью. — Расплатиться мы не можем. Продать копи за месяц по нормальной цене тоже. Поэтому я веду переговоры с Герасимом Павловичем Велесовым. Он готов списать долг и отозвать прошение. В обмен род Зарецких входит в союз с родом Велесовых на правах младшего. Фамилия, титул и дом сохраняются. Копи переходят под управление старшего рода.

В столовой стало тихо. Потом Варвара встала, и стул за ней опрокинулся.

— Вассалами, — сказала она. Из рукавов платья пополз дымок. — Отец ещё не похоронен, а ты продаёшь его копи человеку, которого он в дом не пускал!

— Сядь, Варя.

— Не сяду!

— Сядь, — повторил Константин, и воздух вокруг него потемнел от красного. Гольц инстинктивно подтянул бумаги к себе. — Ты думаешь, мне это нравится? У нас нет денег. У нас нет союзников. У нас мёртвый отец и брат-убийца за одним столом с нами. Или мы идём к Велесову сами, или через месяц он заберёт всё бесплатно, а мы пойдём по миру.

Алексей слушал и смотрел на красный туман. Ровный, плотный, без рваных краёв. Константин злился и при этом не врал. Или настолько привык к собственной лжи, что она перестала его тревожить. Второе Громов тоже видел, чаще, чем хотелось бы.

— Можно вопрос? — сказал он.

Все обернулись. Варвара так и осталась стоять.

— Савва Лукич, из чего складывается миллион сто тысяч расходов? По статьям.

Поверенный удивлённо моргнул сквозь пенсне. Должно быть, за сорок лет практики он ни разу не слышал такого вопроса от младшего сына.

— Содержание дома и челяди — сто девяносто тысяч. Личные расходы членов семьи — двести сорок. — Варвара фыркнула. — Уплата процентов — сто семьдесят. И работы на копиях: углубление штрехов нижней копии, крепление, новое оборудование — шестьсот сорок.

— А в позапрошлом году работы на копиях стоили сколько?

Гольц полистал.

— Сто двадцать.

— А добыча выросла?

— Нет. — Гольц снял пенсне и посмотрел на Алексея по-новому, с интересом. — Упала на двенадцать процентов.

— Значит, за год мы вложили в копи в пять раз больше обычного, а они стали давать меньше. И деньги на это занимали у Велесова. Кто подписывал счета за работы?

— Князь, — сказал Гольц. — По представлению управляющего копиями. Счета проводились через канцелярию дома.

Алексей посмотрел на Штерна. Канцелярия дома состояла из одного человека.

Штерн встретил взгляд спокойно и даже чуть одобрительно, как учитель на ученика, который наконец задал правильный вопрос.

— Нижняя копия старая, Алексей Николаевич, — мягко сказал он. — Жила истощается. Батюшка ваш решил идти глубже, чтобы найти новую. Это дорого и долго. Результат был бы только через два-три года. Увы.

— Увы, — согласился Алексей. — Савва Лукич, в счетах есть названия подрядчиков?

— Разумеется. Основной — артель «Уральский горняк», Екатеринбург.

— Спасибо. Больше вопросов нет.

В Нижнем Громов три года сидел на экономических делах. Скучнее работы не бывает, но одно он оттуда вынес навсегда. Когда расходы на объект растут, а отдача падает, деньги не исчезают. Они переезжают в другую квартиру. И обычно через подрядчика с душевным названием.

А отец на прошлой неделе съездил на копи и вернулся «сам не свой». И в последнюю ночь своей жизни сидел над цифрами и картой с горами.

— Решение по Велесову я приму после похорон, — сказал Константин, и красный туман улёгся. — Как глава рода. Ваше мнение я выслушал.

— Ты ещё не глава рода, — сказал Алексей. — Тебя Дума ещё не утвердила. И до Думы тридцать дней.

Брат наклонил голову, словно не расслышал.

— А тебя, — очень тихо сказал он, — с пятницы утвердит коллегия. Подозреваемым. Считай дни, Алёша. У тебя их меньше.

* * *

Варвара поймала его в галерее, под портретами.

Она шла быстро, и за ней по паркету тянулась оранжевая дорожка искр, как за кометой. Остановилась в шаге от него. Она была ниже на голову и смотрела снизу вверх так, будто выше была она.

— Доволен? — спросила она. — С вопросиками своими. По статьям. Двести сорок тысяч личных расходов, Алёша. Знаешь, чьи? Мои — двенадцать. А свои сам посчитай.

— Посчитаю.

— Он тебя любил, — сказала она, и голос сорвался. — Ты не знаешь, ты ничего не знаешь. Он за тебя в академию три раза ездил. Декана упрашивал. Отец. Упрашивал! А ты пришёл к нему пьяный и сказал... Вся прислуга слышала, что ты сказал.

Громов тоже слышал. Изнутри, чужими ушами, и не по своей воле.

— Варя...

— Я не знаю, убивал ты его или нет. — Искры побежали по её шее, в волосы, и на секунду она стала похожа на маленький лесной пожар. — Но если даже нет... ты его убивал все эти годы. По чуть-чуть. Тем, как жил.

Она плюнула ему на ботинок. Неловко, по-детски, и сама же испугалась, это было видно. Но не отвела глаз.

Громов посмотрел на ботинок. Потом на неё. У него была племянница примерно такого возраста. В пятнадцать её задержали с друзьями за кражу в торговом центре, и он приехал в отделение в форме. Она смотрела на него ровно так же. Сказала ему тогда примерно то же самое: ты ничего не знаешь.

Он достал из кармана серебряную пудреницу и протянул ей на открытой ладони.

— Сожги, — сказал он.

Варвара не двинулась.

— У тебя огонь, у меня нет, — сказал он. — Искра не в счёт. Сожги. При мне.

Она смотрела на пудреницу долго. Потом взяла её двумя пальцами, как дохлую мышь. Серебро покраснело, потом побелело, потом потекло сквозь её пальцы и шлёпнулось на паркет блестящей лужицей. Запахло жжёным сахаром. Паркет задымился.

— Паркет прожгла, — заметил Алексей.

— Это ничего не значит, — сказала Варвара. Голос у неё дрожал. — У тебя в комнате ещё десять таких.

— Двенадцать, — сказал он. — Три за шкафом, две в сапогах для верховой езды, одна в дымоходе. Остальные покажу. Приходи вечером и сожжёшь все.

Она открыла рот. Закрыла. Память Алексея сдала тайники аккуратно, по списку, как сдаёт подозреваемый на третьем часу допроса. И Громов вдруг понял, что тело не тянется ни к одному из них. Все эти часы он ждал ломки, как ждут приступа. Ломки не было. Тот, кому нужна была пыльца, ушёл и забрал нужду с собой.

— Кто ты такой? — шёпотом спросила Варвара.

Уже второй человек за день, отметил Громов. Так скоро и пристав спросит.

— Тот, кто собирается найти, кто убил отца, — сказал он. — И не отдать Велесову ни одной копии. Поможешь — хорошо. Не поможешь — хотя бы не мешай.

Он обошёл её и пошёл по галерее мимо портретов с огоньками в ладонях. За спиной долго не было слышно шагов. Потом Варвара крикнула ему вслед, зло и растерянно:

— В семь приду!

И в семь она пришла.

Глава 5. Похороны

Хоронили на Смоленском, в фамильном склепе Зарецких: гранитная коробка с бронзой дверью и чашей вечного огня на крыше. Огонь в чаше горел сам, без дров и без газа. По преданию, его зажёл первый князь Зарецкий, и с тех пор каждый глава рода раз в год приходил и подкармливал его своим даром. Громов смотрел на чашу и видел, что тёмно-красного там осталось на дне. На год, не больше.

Шёл дождь. Не сильный, петербургский, который не падает, а висит в воздухе и терпеливо ждёт, пока ты в него войдёшь. Чёрные зонты стояли вокруг склепа в три ряда. Первый ряд — семья и старшие роды. Второй — среднее дворянство, офицеры, деловые знакомые. Третий — челядь и те, кто пришёл посмотреть.

Из первого ряда Громов видел лучше, чем хотелось бы. Дождь прибавал следы к земле, и над толпой стоял низкий цветной туман по колено, как над болотом. Красный, синий, зелёный, жемчужный. Каждый род светился по-своему, каждый старался не смешиваться с соседним. А посередине, у самой двери склепа, лежало тяжёлое буро-золотое пятно. Не туман, а именно лежало: плотное, придавившее остальные цвета к земле, как влажный песок.

В центре пятна стоял старик.

Герасим Павлович Велесов был крупным, мягким и добродушным на вид. Широкое деревенское лицо, белая борода лопатой, синие глаза в сетке морщин. Дедушка с конфетной обёртки. Он стоял без зонта, опираясь обеими руками на трость, и дождь его не касался. Капли обтекали его в вершке от плеч и скатывались вниз, как по стеклянному колпаку.

Девятая ступень, вспомнил Громов. Десяток человек на всю Империю. И один из них пришёл проводить своего должника.

Священник читал нараспев, и голос его тонул в дожде. Потом Константин вышел вперёд, поднял ладонь над чашей, и в ней плеснуло ровное красное пламя. Вечный огонь Зарецких перешёл к новому хозяину. Толпа вежливо зашелестела. Варвара рядом с Алексеем жала кулаки.

А буро-золотое пятно вокруг Велесова чуть сдвинулось и накрыло красное пламя, как ладонь накрывает свечу. Ненадолго, на вдох. Потом отпустило. Никто, кроме Громова, этого не видел. А Велесов повернул голову и посмотрел в первый ряд. Не на Константина. На Алексея.

И улыбнулся. Тепло, по-дедовски.

* * *

После церемонии все подходили к семье. Громов пожал сорок две руки и запомнил сорок два лица. На всякий случай, по привычке. Половина смотрела сквозь него, как смотрят на неудобную мебель. Четверть разглядывала с жадным любопытством: слух о полуночной ссоре уже обошёл все салоны. Остальные были просто приличны.

Велесов подошёл последним.

Сначала он обнял Константина, долго тряс его руку и что-то говорил вполголоса. Потом поцеловал Варвару в лоб, и та не успела отстраниться. Потом кивнул Штерну, стоявшему за спиной Константина. Кивнул как знакомому, коротко, без улыбки. Штерн поклонился ниже, чем кланяются чужому банкиру.

Громов отложил это на полку в голове. Там уже лежали чистый стол в кабинете и артель «Уральский горняк».

— Алексей Николаевич.

Вблизи Велесов пах мёдом и мокрой землёй. Рука у него была сухая и тёплая, как нагретый на солнце камень. Он не стал трясти её, просто держал и смотрел Алексею в лицо.

— Я знал вашего отца сорок лет, — сказал он. Голос был низкий и мягкий, с какой-то певучей сибирской ноткой. — Мы спорили почти по каждому вопросу. Николай был упрям.

Упрямство — дорогая роскошь, Алексей Николаевич. Он платил за неё всю жизнь. И всё же его будет не хватать.

— Спасибо, — сказал Алексей.

— Я слышал, что вам сейчас непросто, — продолжил Велесов, по-прежнему не отпуская руку. — Слухи, намёки... Коллегия. В коллегии сидят люди старые, усталые, им нужен виноватый, чтобы поскорее разойтись по домам. Я сам такой. — Он виновато улыбнулся. — Но иногда старики прислушиваются к старикам. Если вам понадобится доброе слово...

Он не договорил. Договаривать было не нужно.

Громов слышал такие разговоры сотню раз. В кабинетах с дорогим ремонтом, в кафе у суда, в машинах с тонировкой. Сначала тебя жалеют. Потом объясняют, как всё плохо. Потом предлагают помощь. Цену назовут позже, когда ты уже взял.

— Герасим Павлович, — сказал он. — У вас крепкая рука.

Велесов чуть приподнял брови.

— Это комплимент?

— Разумеется. Отец насчёт неё тоже что-то говорил. Не помню что, я тогда не слушал. Теперь жалею. — Громов аккуратно вынул пальцы из тёплой каменной ладони. — Спасибо, что пришли. И спасибо за доброе слово. Надеюсь, оно мне не понадобится.

Синие глаза смотрели на него долго. В них не было ни злости, ни удивления. Только тихий интерес, как у человека, который пересчитывает карты после неожиданного хода.

— Надеюсь, — согласился он. — Надежда ничего не стоит, её можно держать в любом количестве.

Он похлопал Алексея по плечу и пошёл по аллее к воротам, не торопясь, опираясь на трость. Дождь обтекал его. На плече Алексея осталось буро-золотое пятно размером с ладонь, и Громов чувствовал его тяжесть ещё минут десять.

* * *

— Смотри-ка. Пустышка трезвый.

Голос был молодой, громкий, рассчитанный на слушателей. Несколько чёрных зонтов обернулись.

Память Алексея отозвалась сразу, стыдом и горечью во рту. Игнат Велесов, внук. Два года на одном курсе в академии. Именно он придумал «пустышку». Именно он как-то на практике поднял под Алексеем землю и подбросил его на два метра перед всем потоком. Алексей сломал тогда ключицу. Игнату объявили замечание.

Игнат был красив, светловолос, широк в плечах, с дедовскими синими глазами, только без дедовского терпения. Вокруг него клубился буро-зелёный туман, густой и беспокойный, с рваными краями. Пятая ступень, не меньше. И много лишнего движения.

— Игнат, — сказал Алексей.

— Помнит! — Игнат раскинул руки, обращаясь к своим спутникам, двум девицам под одним зонтом. — А я думал, всё вынюхал. Соболезную, Зарецкий. Искренне. Князь был великий человек. Ему просто с детьми не повезло. Со средним ещё туда-сюда. А про младшего весь город знает.

Он скосил глаза на Варвару.

— Рыженькую вот жалко. Ей теперь жениха никто не найдёт. Хотя... может, дед кого-нибудь подберёт. Вместе с копиями.

Варвара шагнула вперёд. Искры с её пальцев сыпанули на мокрую траву и зашипели. Громов положил руку ей на плечо. Не сильно. Она остановилась скорее от удивления.

— Игнат, — сказал Алексей спокойно, как спрашивают дорогу. — Ты когда на похоронах девиц снимаешь, ты им потом цветы с могил даришь? Или дед и на цветы выдаёт?

Одна из девиц фыркнула и сразу зажала рот перчаткой. Вторая уставилась в землю.

Буро-зелёный туман вокруг Игната дёрнулся и стёк к его ногам. Земля под ботинками Алексея чуть вздохнула. Громов это увидел за секунду до того, как почувствовал. Туман собрался и пополз к нему по траве, как корень. Он не стал ждать и сделал шаг влево, на мощёную дорожку. Земля на том месте, где он стоял, вспучилась бугром и опала.

Игнат моргнул. На секунду на его красивом лице была одна растерянность.

— Не здесь, — сказал Алексей тихо, только для него. — У могилы моего отца не надо. Хочешь поговорить, найди меня в другом месте. Я теперь часто буду выходить.

— Ты... — Игнат оглянулся на зонты. Смотрели слишком многие. Он улыбнулся широко и фальшиво. — Конечно, Зарецкий. Поговорим. Обязательно.

Он ушёл, уводя своих девиц. Варвара стояла, открыв рот.

— Как ты... — начала она. — Как ты узнал, куда он ударит?

— Увидел, — сказал Алексей. — У меня же дар видеть. Бесплезный.

* * *

Лемке стояла у ограды соседнего участка, под старой липой, в сером пальто и с чёрным казённым зонтом. Она ни с кем не разговаривала. Смотрела, кто к кому подходит. Громов заметил её ещё в начале службы и теперь кивнул ей издалека. Она кивнула в ответ и тут же отвернулась, будто их поймали на чём-то неприличном.

Потом он перевёл взгляд дальше, и на дальней аллее, у клёна, увидел даму под вуалью.

Она стояла одна, далеко от всех трёх рядов. Высокая, тонкая, в чёрном платье, которое сидело слишком хорошо для траура. Вуаль до подбородка. В руках одна белая роза. Вокруг неё тумана почти не было. Только тонкая, едва заметная дымка серебристо-розового цвета, как пыль с жемчужины. Дар второй ступени, не больше. И не стихия, а что-то другое, чего Громов ещё не видел.

Она смотрела на склеп. Потом прижала розу к губам сквозь вуаль, положила её на чужое надгробие и быстро пошла к боковой калитке. Ни разу не обернулась.

— Фёдор Ильич, — тихо сказал Алексей. Старик стоял у него за спиной с зонтом. — Кто это?

Фёдор Ильич посмотрел. Лицо у него стало деревянным.

— Не могу знать, ваше сиятельство.

— Можете.

Старик помолчал и вздохнул.

— Алиса Викторовна Раевская. Из Александринского. Они... с князем... — Он запнулся. — Давно. Года три. Знали только я да кучер. Полгода назад всё кончилось. Князь сам сказал. Больше она не приезжала.

— Уверены?

— Разумеется. Задняя лестница с тех пор всегда заперта. Ключ только у меня.

* * *

Домой вернулись в сумерках. Пока слуги накрывали поминальный стол, Громов взял у Фёдора Ильича ключ и поднялся по задней лестнице.

Лестница была узкая, винтовая, из кухонного коридора прямо к боковой двери кабинета. Замок на нижней двери был старый, немецкий, с цилиндром. Хороший замок. На латунной накладке вокруг скважины Громов нашёл две свежие царапины. Обычные, без всякого дара. Такие оставляет ключ, когда его всовывают в темноте дрожащей рукой.

Он поднялся на два витка, потом на третий. И остановился.

На дубовых перилах, на той высоте, где за них берётся женская рука в перчатке, лежала серебристо-розовая пыль. Совсем слабая, почти выветрившаяся, в другой день он бы её не заметил. Двое суток. Не больше.

Пыль шла вверх, к двери кабинета. И вниз, обратно, второй полосой. На обратном пути следы были смазаны, рваны, как бывает, когда человек не спускается, а бежит.

Громов постоял на узкой ступеньке, глядя на перила. Потом спустился и запер дверь. В столовой ждали на поминки, и пропускать их было нельзя.

Больше она не приезжала, сказал Фёдор Ильич. Задняя лестница всегда заперта.

А позавчера ночью Алиса Раевская поднялась по этой лестнице к князю. И сбежала вниз так, будто за ней гнались.

Глава 6. Фальшивомонетчик

Сыскная полиция занимала жёлтое трёхэтажное здание на Офицерской. Внутри пахло так, как пахнет в любом отделении любого века: мокрые шинели, старая бумага, подгоревший чай. Громов вдохнул и первый раз за три дня почувствовал себя дома. Дежурный за барьером посмотрел на его сюртук, на огонёк на перстне и встал так быстро, что уронил перо.

Лемке сидела в комнате на третьем этаже, вместе с четырьмя другими надзирателями. Её стол был самый маленький, у окна, из которого дуло. На столе царил порядок, какой бывает только у людей, у которых больше ничего нет в подчинении. Когда он вошёл, четверо мужчин замолчали и уткнулись в бумаги с таким рвением, что стало ясно: слушать будут каждое слово.

— Ваше сиятельство. — Лемке поднялась. — Выйдем.

Они вышли на чёрную лестницу. Там курили, на подоконнике стояла жестянка с окурками. Громов посмотрел на неё с тоской. Тело Алексея не курило, и пачки в кармане не было.

— Таблетки чистые, — сразу сказала она. — Все восемь. Дигиталис, минимальная эфирная втяжка, как на коробке. Наш химик растёр две в порошок. Ничего.

— Я так и думал.

Её глаза сузились.

— Так и думали, — повторила она. — А когда просили проверить, тоже так думали?

— Да.

— Зачем тогда просили?

— Чтобы у вас в деле лежала бумага: восемь таблеток проверены, чистые. Восемь. А не девять.

Она поняла не сразу. А когда поняла, стала похожа на чайник, который вот-вот засвистит.

— Вы изъяли вещественное доказательство с места смерти, — сказала она очень тихо. — До приезда полиции. И скрыли от меня.

— Да.

— Вы понимаете, что я должна сейчас вас задержать?

— Понимаю. И если задержите, таблетка уедет в коллегия вместе со мной. И там пропадёт. А вы вернётесь за свой стол у окна и дальше будете расследовать кражи белья с чердаков. Вы ведь именно их расследуете, да? У вас на столе папка «Бельё, Адмиралтейская часть».

Лемке молчала секунд пять. Потом достала из кармана папиросы, закурила и выдохнула дым в форточку.

— У вас невыносимая манера, — сказала она. — Вы знаете?

— Знаю. Угостите папирой.

Она посмотрела на него. Потом на папиросы. Потом протянула пачку. Громов закурил. Тело тут же отозвалось кашлем, слёзы выступили на глазах, голова поплыла. Он переждал, затянулся снова и блаженно закрыл глаза.

В жизни всё-таки есть какая-то справедливость, подумал он.

— Вы же не курите, — сказала Лемке, наблюдая за ним.

— Вчера не курил. Слушайте, Мария Карловна. У меня девятая таблетка, и в ней что-то есть. Не спрашивайте, откуда я знаю. Знаю. Ваш химик ничего в ней не найдёт. Вы же видели, как нюхач прошёл над телом и ничего не учуял. А главное, если я отдам её в вашу лабораторию, о ней завтра же узнает тот, кто её подложил. Мне нужен человек, который разберётся в эфирной механике лучше вашего химика. И которого никто не сможет купить.

— Таких людей не бывает.

— Бывают. Те, у кого уже есть хозяин.

Она долго курила, глядя в форточку, на мокрые крыши.

— Записку смотрел наш почерковед, — сказала она наконец. — Очень хорошая копия, если это копия. Без образцов почерка ничего сказать не может. А образцы в бумагах князя. А бумаги — у секретаря в сейфе. А секретарь вежливо просит запрос через поверенного.

— Разумеется.

— А ещё, — она стряхнула пепел, — я вчера записала смерть князя как «внезапную, до выяснения обстоятельств». Не насильственную. По инструкции в коллегия передают дела о насильственной смерти дворян. Пока химия не готова полностью, дело насильственным не считается. А химия у нас... — она помолчала, — химия у нас медленная. Особенно если ей немножко помочь. Дней десять. Не больше.

Громов посмотрел на неё с уважением, которого не стал прятать.

— Зачем?

— Затем, что мой старый начальник говорил: когда все вокруг хотят закрыть дело быстро, закрывать надо медленно. — Она потушила папиросу о жестянку. — И затем, что ваш брат писал моему начальнику дважды за вчерашний день. Просил ускорить. А пристав получил от кого-то корзину с вином. Так что мне с вами делать? Вы врётё, прячете улики, дерзите и ведёте себя как преступник. Но пока вы единственный, кто не хочет, чтобы это дело закрыли.

— Я могу вам дать кое-что в обмен, — сказал Громов.

— Кроме невыносимой манеры?

— В ночь смерти в доме был ещё один человек. Женщина. Она поднялась к кабинету по задней лестнице и спустилась бегом. Алиса Викторовна Раевская, Александринский театр. У неё с отцом был роман, он его прекратил полгода назад. Дверь лестницы заперта, ключ один, у дворецкого. На замке свежие царапины. Значит, у неё был второй ключ. Или ей его дали.

Лемке перестала дышать.

— Откуда...

— Оттуда же, откуда про таблетку. Доказать не могу, свидетелей нет. Но вы можете с ней поговорить. Осторожно. Если она что-то видела, ей сейчас очень страшно.

Она долго смотрела на него. Потом коротко кивнула, вернулась в комнату и через минуту вышла с тонкой серой папкой.

— Этого вы не видели, — сказала она, протягивая папку. — У вас пять минут, потом она вернётся в архив.

На обложке было написано: «Шабанов Тихон Петрович. Поднадзорный».

Громов листал быстро, цепляя главное. Тридцать пять лет, мещанин, сын часовщика. Без дара. Шесть лет назад посажен за изготовление поддельных эфирных талонов. Талоны выдавали бедным на отопление, каждый с микроскопической эфирной печатью. Печать считалась неподдельной. Шабанов подделывал её так, что казённые приборы не отличали. Поймали случайно: бухгалтер сосчитал, что в одном доме на Лиговке топят за триста человек, а живёт там сорок. Четыре года каторги, освобождён досрочно. Сейчас держит мастерскую по починке приборов в Коломне. Раз в месяц отмечается у пристава. Замечаний нет.

И в самом конце пометка красным карандашом, другим почерком: «Работал один. Подельников не назвал. Денег при обыске не найдено».

— Денег не найдено, — вслух повторил Громов.

— Он не брал денег, — сказала Лемке. — Раздавал талоны бесплатно. Старухам и многодетным. Дело вёл мой старый начальник. Он его потом и вытащил досрочно. Считал, что такие руки гнить на каторге не должны. Человек он честный, ваше сиятельство. По-своему. И он вас пошлёт куда подальше. Дворян он не любит.

— Кто их любит, — сказал Громов и вернул папку.

* * *

Коломна пахла каналом, сыростью и капустой из подвальных окон. Мастерская Шабанова пряталась в полуподвале доходного дома, вниз вели три ступеньки. На двери висела жестяная

табличка: «Починка эфирных приборов, часов, звонков. Недорого». И ниже, мелко, от руки: «Дверь закрывайте, кот сбежит».

Громов вошёл и дверь закрыл.

Внутри было тесно, тепло и настолько заставлено, что стен не было видно. Часы тикали в десять голосов. На полках лежали приборы с трубками, стрелками и стеклянными колбами, разобранные звонки с вываленными проводами, какие-то шестерёнки в банках из-под варенья. В воздухе висела слабая разноцветная дымка, как на складе старых аккумуляторов. У каждого прибора был свой цвет.

На верстаке, посреди деталей, спал огромный рыжий кот. За верстаком сидел человек.

Длинный, худой, сутулый, в жилете и нарукавниках. Веснушчатое лицо, редющие рыжие волосы, на носу часовая лупа в оправе. Он что-то паял тонким жалом и не поднял головы.

— Ремонт часов — три дня, — сказал он. — Звонки — неделя. Эфирометры не беру, с полицией не связываюсь. Дверь закрыли?

— Закрыл.

— Спасибо. У него почки, ему на сквозняке нельзя. — Он наконец поднял голову, и лупа увеличила его правый глаз до размеров блюдца. Глаз осмотрел сюртук, перстень, лицо. Тоскливо моргнул. — Ну вот. Хуже полиции. Дворянин. Чем могу не помочь, ваше сиятельство?

— Мне нужен человек, который разберёт одну вещь. Очень маленькую. Внутри неё что-то эфирное, чего не видит казённый нюхач. Хорошо заплачу.

Шабанов снял лупу, и глаз стал обычным, серым и очень усталым.

— Ваше сиятельство, — сказал он с бесконечным терпением. — Я человек поднадзорный. У меня пристав, раз в месяц отметка и кот с почками. Когда ко мне приходит дворянин с очень маленькой вещью, в которой есть что-то такое, чего не видит казённый прибор, я что делаю? Я делаю вот так.

Он встал, обошёл верстак и открыл дверь.

— До свидания, ваше сиятельство. Я теперь честный. Я чиню часы вдовам и звонки лавочникам. Мне хватает. Будьте добры, закройте за собой. Кот.

Громов не двинулся. Он смотрел мимо Шабанова, в дальний угол мастерской.

Там стоял старый железный шкаф, придвинутый вплотную к стене. Обычный шкаф для запчастей, весь в ржавчине, на навесном замке. Вокруг всех приборов в мастерской лежала старая дымка, въевшаяся в металл. А над дверцей шкафа висела тонкая серебристо-синяя паутинка. Свежая, сегодняшняя, ещё не осевшая. Она была точно такого цвета, как печать на квитанции за отопление, которую Громов утром видел на столе у Фёдора Ильича.

И ещё одна ниточка того же цвета тянулась от шкафа к пальцам Шабанова. К правой руке, которая держала дверь.

Громов перевёл взгляд на его лицо. Шабанов настороженно смотрел в ответ, и на его лбу выступила мелкая испарина.

— Хороший у вас кот, Тихон Петрович, — сказал Громов. — Берегите его.

Он вышел и аккуратно закрыл дверь. На улице моросило. Громов поднял воротник и пошёл вдоль канала. Он давно не чувствовал себя так хорошо. С того самого утра в гаражном кооперативе.

Завтра, думал он. Завтра он согласится.

Глава 7. Шантаж по-петербургски

На следующее утро Громов пришёл в мастерскую с бумажным пакетом из рыбной лавки. В пакете лежала свежая корюшка.

Шабанов увидел его и прикрыл глаза. Кот увидел пакет и открыл свои.

— Дверь, — сказал Шабанов без всякой надежды.

— Закрыв.

Громов положил пакет на верстак. Кот спрыгнул с полки с тяжёлым стуком и стал обнюхивать бумагу с видом человека, который давно знал, что так и будет.

— Это ему, — сказал Громов. — Корюшка для почек полезна? Я не знаю.

— Вредна. Соли много. — Шабанов отложил паяльник. — Ваше сиятельство. Я вчера сказал.

— Сказали. А я вчера смотрел. — Громов присел на табурет для клиентов, единственное свободное место. — У вас в ржавом шкафу в углу стоит гравировальный прибор. Эфирный, с тонким резцом. И пачка чистых талонных бланков. Вы работали на нём вчера утром, до моего прихода. Правой рукой.

Шабанов не стал оглядываться на шкаф. Это Громов оценил. Люди, которые оглядываются, обычно сидят дольше.

— Это неправда, — сказал он.

— Хорошо. Тогда я прямо отсюда еду на Офицерскую, к надзирателю Лемке, и прошу вас обыскать. Ничего не найдут, вы получите извинения от княжеского дома и корюшку. Идёт?

Шабанов молчал. На виске у него билась жилка.

— Кому на этот раз? — спросил Громов. — Старухам или многодетным?

У Шабанова дёрнулся угол рта.

— Приюту в Лигово, — сказал он наконец. — Сорок детей. Им в феврале отопление срезали вдвое, а начальство талоны себе в карман взяло. Дети в шинелях спали. Вы такого, ваше сиятельство, не видели и не увидите. Везите меня на Офицерскую. Только кота пусть кто-нибудь возьмёт.

Громов помолчал. В Нижнем у него был один дед, что подключал к солнечным панелям и к сети половину частного сектора в Канавино. Бесплатно, мимо счётчиков, для тех, кому нечем было платить. Громов тогда сделал вид, что не понял схемы. Он был не самым честным полицейским в Нижнем. Но он знал, каких людей сажать не надо.

— Про приют мне наплевать, — сказал он. — И на шкаф наплевать. Слушайте внимательно, Тихон Петрович. Я не знаю, что у вас в шкафу. И не узнаю, пока вы работаете на меня. Работа платная, честно платная. Когда появятся деньги. Первое задание — сегодня.

— Это шантаж.

— Это контракт. У шантажа нет корюшки.

Кот тем временем разодрал бумагу и с тихим урчанием грыз рыбу. Шабанов посмотрел на кота с горечью человека, которого предал ближайший друг.

— Пристав, — сказал он коту. — Иуда.

— Его зовут Пристав?

— А как ещё. Он ест чужую еду и спит на работе. — Шабанов вздохнул, снял нарукавники и надел другие, чистые. — Показывайте вашу очень маленькую вещь.

* * *

Работал он красиво. Громов за двадцать лет повидал много экспертов и отличал тех, кто знает, от тех, кто чувствует. Шабанов чувствовал.

Сначала он выкатил таблетку из платка на стеклянную пластинку и поставил под прибор, похожий на микроскоп, скрещённый с самоваром. Линзы в нём были не стеклянные, а из мутного голубого кристалла. Шабанов смотрел долго. Потом переставил линзу. Потом ещё одну.

Потом сел прямо и долго тёр лицо руками.

— Ваше сиятельство. Где вы это взяли?

— В таблетнице моего отца. Он умер три дня назад.

Шабанов кивнул, будто именно этого и боялся.

— Смотрите. — Он отодвинулся от прибора.

Громов наклонился к окуляру.

Таблетка под синим кристаллом стала прозрачной, как мутный лёд. А в середине льда лежала игла. Настоящая игла, только крошечная, тоньше волоса, из чёрного стекла. Изнутри она светилась тем самым нехорошим фиолетовым цветом старого синяка. На тупом конце, едва различимые, стояли два значка. Буква и римская цифра.

«З-П».

— Чёрный эфир, — сказал Шабанов за его спиной. Голос у него был очень тихий. — Вы знаете, что это?

— Расскажите.

Шабанов рассказал.

Обычный эфир добывают на Урале и в Сибири, на нём работают трамваи и печи. Иногда глубоко в жиле попадает чёрный. Он не греет и не светит. Он гасит. Чужой эфир, чужой дар, чужое сердце, ему всё равно. Сто лет назад из него делали оружие, потом Император запретил. С тех пор всё, что находят, сдают в казну под расписку. За хранение полагается бессрочная каторга, за применение виселица.

— Эта игла сидит в таблетке, — сказал Шабанов. — Человек глотает, таблетка растворяется, игла идёт с кровью к сердцу. Раз воткнётся — и сердце встало. Потом она растворяется сама, за час-два. Ни лекарь, ни нюхач ничего не найдут. Чёрный эфир сам себя гасит. В том и прелесть.

— Тогда почему эта не растворилась?

— Потому что её никто не глотал. Она запасная. — Шабанов показал пальцем на иглу. — Их всегда делают парой, из одного кристалла. Парные иглы чувствуют друг друга. Вторую кладут рядом с первой. Если первая сработала, вторая затихает, и её можно забрать назад. А если не сработала, человек на следующую ночь случайно возьмёт вторую.

Громов выпрямился. Фиолетовая нить от сердца к таблетнице. Первая игла в сердце звала вторую. Вот он её и увидел.

— Забрать назад, — повторил он. — Значит, убийца собирался вернуться за ней.

— Был бы дурак, если бы не собирался. А что это не дурак делал, ваше сиятельство, я вам как специалист говорю. Обточить чёрный кристалл в такую иглу... В Петербурге таких мастеров трое. Один помер. Второй слепой. А третий — я, и я эту не делал. Значит, делали не в Петербурге. И не один человек. И стоит эта штука, как дом на Невском.

— А клеймо?

Шабанов помолчал.

— Клеймо ставят на всё, что из земли достали, на каждый кристалл. Закон такой, для учёта. Первая буква — род владельца. Цифра — номер копи. А тут клеймо поставили прямо на сырой кристалл, по привычке. До того, как обтачивать. И потом не стёрли, ибо кто же его когда найдёт. — Он поднял на Громова тоскливые глаза. — «З», ваше сиятельство. Зарецкие. Копь номер два. Нижняя, если не ошибаюсь.

В мастерской стало тихо. Тикали десять часов разными голосами. Кот догрыз рыбу и стал мыться.

Нижняя копь. В которую за год вложили шестьсот сорок тысяч через артель «Уральский горняк». На которую отец ездил на прошлой неделе и вернулся сам не свой.

Громов сидел неподвижно и чувствовал, как куски складываются в голове. Медленно, со скрипом. Деньги уходят на копь, добыча падает. На самом деле в копи добывают что-то другое, что в отчёты не попадает. Отец едет туда и что-то видит. Возвращается, полночи сидит над цифрами. А через пять дней умирает от иглы из собственной копи.

И карта с горами пропадает со стола раньше, чем приезжает полиция.

— Ваше сиятельство, — осторожно сказал Шабанов. — Я вас спрошу одну вещь. Вы только не обижайтесь. Эта штука из вашей собственной копи. А вы точно... вы уверены, что хотите знать, кто её сделал? Иногда лучше не знать. Я вот про своего отца многого не знаю, и мне хорошо.

— Уверен, — сказал Громов.

Шабанов вздохнул, завернул таблетку в тот же платок, потом в свинцовую фольгу, потом уложил в маленькую жестяную коробочку из-под леденцов.

— Свинец её глушит, — объяснил он. — Никто с прибором не прочует. И она сама никого не позовёт. Держите при себе и не глотайте, даже если сердце заболит. Ха-ха.

Он протянул коробочку. Громов взял.

— Сколько я вам должен?

— Вы мне должны не приходить больше, — с чувством сказал Шабанов. — Но вы ведь придёте.

— Приду.

— Тогда пять рублей за осмотр. И корюшку больше не приносите, он потом всю ночь пьёт. Треску можно. Отварную.

У Алексея Зарецкого в кошельке было два рубля сорок копеек. Всё остальное прежний хозяин тела проиграл, пронюхал или прозакладывал. Громов подумал и положил на верстак всё, что было.

— Остальное должен.

Шабанов посмотрел на два рубля сорок копеек. Потом на княжеского сына в дорогом сюртуке.

— Вот теперь, — медленно сказал он, — я вам, пожалуй, верю. Княжичи с такими деньгами не ходят. Такие деньги бывают только у тех, кому совсем приспичило.

* * *

Уже у двери Шабанов окликнул его.

— Ваше сиятельство. А вы знаете, что за вами ходят?

Громов обернулся.

— Я не вижу следов, как вы, — сказал Шабанов. — Зато у меня вон там прибор висит, на форточке. Делал для себя от пристава, чтоб заранее знать. Он каждый дар слышит в тридцати шагах. Вчера, когда вы ушли, он пищал дважды. Сначала на вас. А через минуту ещё раз. И сегодня тоже дважды. И второй раз не уходит. Вон он, и сейчас пищит.

Из форточки действительно доносилось тонкое, на пределе слышимости, попискивание.

Громов поднялся по трём ступенькам и вышел на улицу. Не оглядываясь, как учили. Потратил минуту, чтобы застегнуть пальто. Потом спокойно пошёл к мосту и на повороте посмотрел в тёмное стекло витрины.

На мокрой брусчатке за его спиной тянулась дорожка. Бурая, как засохшая глина. Она шла шаг в шаг за ним от самой мастерской, исчезала за углом и там, за углом, светилась гуще. Там кто-то стоял и ждал, когда он пойдёт дальше.

Земля, подумал Громов. Третья ступень, не больше. И цвет очень знакомый. Такой же лежал в кабинете отца, на чистых листах, поверх того места, где должна была лежать карта с горами.

Он не стал сворачивать за угол. Пошёл дальше, к мосту, не ускоряясь. В кармане пальто у него лежала жестяная коробочка из-под леденцов. В ней лежала бессрочная каторга для того, у кого её найдут.

На мосту в спину подул сырой ветер с залива. Громов поднял воротник и подумал, что стало понятно хотя бы одно. Когда убийца вернулся за запасной иглой, в таблетнице её уже не было. И убийца не стал гадать, у кого она.

Глава 8. Склад на Обводном

Денег не было.

Громов понял это вечером того же дня, когда вернулся из Коломны с коробочкой из-под леденцов в кармане и с бурой дорожкой за спиной. Дорожка проводила его до самого крыльца и там растаяла. Громов не стал ничего делать. Хвост, который не знает, что его видишь, ценнее хвоста, которого сбросил. Пусть ходит. Пусть рассказывает кому надо, что княжич шляется по часовщикам.

Денег не было ни у кого. Фёдор Ильич объяснил тихо, у камина в библиотеке. Как только банк подал прошение в Думу, счета рода арестовали. В доме остались только касса на хозяйство и то, что у кого в карманах. Кассу держал Константин.

— И он мне не даст, — сказал Громов.

— Даст. Рубль в день, с отчётом. И на всех слуг приказ записывать, куда вы ездите. — Старик помолчал. — Я пока не записываю. У меня глаза плохие.

У Громова был долг Шабанову. Была нужда в поездке на Урал, а билет в один конец стоил тридцать рублей, и это вторым классом. Была потребность платить людям, которые знают то, чего не знает он. А ещё ему нужно было перестать быть младшим сыном на рубле в день. В таком состоянии никакое следствие до конца не доведёшь.

Решение пришло с неожиданной стороны.

Утром посыльный принёс конверт без обратного адреса. Внутри лежала вырезка из вчерашнего «Петербургского листка», в двадцать строк. Склад купца первой гильдии Мохова на Обводном канале сгорел дотла вместе с партией китайского чая. Страховая сумма триста тысяч. «Северное страховое общество» настаивает на поджоге, полиция признаков поджога не нашла. Эфирометры молчат. Виновата старая проводка.

Внизу карандашом, аккуратным почерком с наклоном влево, было приписано: «Агент Бергман, Садовая, 12. Платят три процента нашедшему. Нам сюда лезть запрещено. Вам нет».

Подписи не было. Громов посмотрел на наклон букв и на чернильную мозоль, которую такой наклон оставляет на среднем пальце. Улыбнулся и спрятал вырезку в карман.

Три процента от трёхсот тысяч. Девять тысяч рублей. На них можно купить небольшой дом в губернии. Или сесть в поезд до Екатеринбурга и не считать мелочь в вагоне-ресторане.

* * *

Агент Бергман оказался сухим седым немцем с пенсне на чёрной ленте. Он слушал не перебивая, сложив руки на столе. На столе не было ничего, кроме чернильницы и его рук.

— Ваше сиятельство, — сказал он, когда Громов закончил. — Моё общество платит за результат. Не за титул и не за опыт. Которого, извините, у вас быть не может. Вам девятнадцать лет.

— Полностью с вами согласен.

— Полиция ничего не нашла. Наш собственный оценщик, отставной инженер с даром третьей ступени, ничего не нашёл. Приборы молчат. У Мохова дара нет, у его людей нет. В суде мы проиграем. В пятницу я подписываю выплату. — Он присмотрелся к Алексею через пенсне. — Что может найти княжич с даром первой ступени, если все остальные не нашли ничего?

— То, чего не ловят приборы, — сказал Громов. — Вы ничего не теряете, господин Бергман. Не найду — не заплатите. Найду — сэкономите двести девяносто одну тысячу. И ещё узнаете, как поджигать так, чтобы приборы молчали. Думаю, вам это пригодится.

Бергман долго смотрел на него. Потом достал из ящика лист бумаги и перо.

— Доверенность на осмотр склада, — сказал он, пиша мелким готическим почерком. — До пятницы. И если кто-то спросит, ваше сиятельство, мы с вами не знакомы. Общество не хочет проблем с купечеством.

* * *

От склада остались кирпичные стены без крыши, чёрные до высоты второго этажа. Внутри лежали балки, скрученные жаром железные конструкции и полметра пепла. Пахло гарью и чем-то сладковатым. Чай, догадался Громов. Шестьсот пудов китайского чая, заваренные пожаром и дождём.

Сторож, старик в валенках, почитал доверенность по слогам и открыл ворота.

— Чего тут смотреть, — сказал он. — Уж сами смотрели-смотрели. Проводка, ваше благородие.

Громов встал на пороге и посмотрел.

Сначала ничего. Серый пепел, чёрные стены, мокрые балки. Из старой проводки на стене сочился слабый голубой дымок обычного технического эфира. Именно его и нашли приборы, на него и списали пожар. У дальней стены едва заметно серебрились следы инженера со страховой стороны, аккуратно обошедшего склад по периметру.

Громов сделал шаг внутрь, второй, третий. И на середине склада остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.